

Глава 9. Здесь тебе не место для любовных утех

Праздник Зимнего урожая гремел до поздней ночи.

Обычно после захода солнца, часам к восьми, в Пэнгэ воцарялась тишина, и на улицах не было ни души. Но сегодня на главной площади деревни люди до сих пор пели, танцевали и поднимали чаши с вином.

Вокруг костра были расставлены низкие столики с согревающими напитками, сухофруктами и семечками. Цэнлу собирались небольшими группами, болтали и выпивали.

— Этот тост за Бай Иня! Он сегодня прославил нас, народ Ся! — провозгласил Янь Чувэнь и вместе с Го Шу поднял свою чашу.

Одной рукой я обнимал пригревшуюся у меня на коленях собаку, а другой поспешно взял свою чашу со стола.

— Вы преувеличиваете. Я просто помог, чем мог, — я сделал небольшой глоток, и мой взгляд невольно устремился к человеку, сидевшему во главе стола.

Мо Чуань, склонив голову, о чём-то говорил с сидевшим рядом Не Пэном, время от времени коротко кивая. Даже в такой весёлой и непринуждённой обстановке он не позволял себе расслабиться и держался с подобающей Яньгуаню строгой выправкой, с идеально прямой спиной.

Возможно, почувствовав мой взгляд, он, не прерывая разговора, посмотрел прямо на меня.

Я не отвёл глаз и, через разделявшее нас пламя костра, с лёгкой улыбкой поднял чашу в приветственном жесте.

Как и много раз до этого, он проигнорировал меня и тут же отвёл взгляд, словно вовсе не заметил.

Я был к этому готов, поэтому, когда он поступил именно так, как я и ожидал, то не разозлился, а, наоборот, нашёл это забавным.

— Кстати, что означает «Лацзело»? — я поставил чашу на стол и обратился к двум присутствующим экспертам по фольклору.

Янь Чувэнь удивлённо моргнул.

— Лацзело? Ты что, утром ходил в храм? Это слово — благословение. Буквально оно означает «Бог победил».

— Да, ходил. А почему Мо... Пинцзя произносит именно эти слова во время благословения? — продолжил я расспросы.

— Это связано с местным культом горного божества, — сказала Го Шу, щёлкая арахис. — Цэнлу верят, что Снежная гора Цанлань — это владения Владыки Гор, а они — его дети. Мир и покой в Цояньсуне царят лишь потому, что Владыка Гор одолел злых духов и отвёл все беды. «Лацзело» — это одновременно и радостная весть, и хвала божеству.

«Хвала божеству. Примерно так я и думал».

Пока не знал — было любопытно, а когда узнал, стало как-то пресно.

— У Цэнлу кипарис считается самым чистым деревом, поэтому вода, в которой вымачивали его ветви, — самая чистая вода, — Янь Чувэнь вытянул правую руку и, загибая пальцы, объяснил: — Два пальца, указательный и средний, окунают в святую воду и прикасаются ко лбу, а большой палец проводят над бровями, произнося при этом: «Лацзело». Таков ритуал благословения Пинцзя на Празднике зимнего урожая.

— Довольно интерес... — я осёкся. Пойдите, моё благословение проходило как-то иначе.

Утром я спешил за едой и не обратил внимания, как Мо Чуань благословлял тех, кто был передо мной, и решил, что так было со всеми. Но теперь выходило, что этот парень сделал исключение только для меня.

«И что это значит? Наказание за неуважение к богам?»

— Вы тут болтайте, а я пойду покурю, — я передал Эр Цяня на руки Го Шу и поднялся. Не успел я сделать и шага, как на меня сзади навалилось чьё-то тяжёлое тело.

— Братан, ты крут!

Я нахмурился и стряхнул руку с плеча.

Передо мной стоял длинноволосый парень лет двадцати, с приятными чертами лица. Я сразу узнал в нём своего товарища по команде лучников.

— Меня зовут Кунь Хунту, а тебя? — он протянул руку, но не для рукопожатия, а скорее для того, чтобы хлопнуть по моей ладони.

Такого уличного приветствия я не встречал уже много лет.

— Бай Инь, — но я всё же пожал его руку.

Обменявшись рукопожатием, Кунь Хунту по-братски обнял меня за плечи и, хлопнув по спине, усмехнулся:

— Сегодня мы победили благодаря тебе. Как-нибудь выпьем вместе, а?

— Договорились, — с готовностью согласился я.

— А-Кунь, я здесь уже столько лет, а ты меня ни разу выпить не позвал, — Го Шу, подложив руки под тёплый собачий живот, с усмешкой посмотрела на Кунь Хунту.

— Мужчинам не пристало приглашать женщин выпить, — ответил Кунь Хунту. Кажется, он был хорошо знаком и с Янь Чувэнем, и с остальными, и, разговорившись, присел рядом.

Я нашёл относительно уединённый уголок, достал сигарету и закурил.

Холодный воздух смешался с едким табачным дымом и наполнил лёгкие. За спиной гремела музыка и смех, впереди простиралась тёмная, тихая старинная деревня. От этого резкого контраста я на мгновение потерялся, не понимая, сон это или явь.

Пальцы с зажатой сигаретой случайно коснулись губ, и в памяти тут же всплыла сцена утреннего благословения.

Холодные кончики пальцев на губах... ещё немного, и они могли бы проникнуть внутрь...

Дыхание сбилось. Я поперхнулся дымом и закашлялся до слёз.

Когда Кунь Хунту нашёл меня, я сидел на корточках, не в силах подняться.

— Бай Инь... ты в порядке? — он схватил меня за руку, пытаясь помочь встать.

Я махнул рукой и, оперевшись на него, поднялся. Ветер осушил влажные уголки глаз.

— Всё нормально, просто поперхнулся, — я провёл рукой по лицу, голос слегка охрип. — Ты что-то хотел?

Он словно только сейчас вспомнил, зачем пришёл, и потащил меня к площади.

— Пинцзя сейчас будет нас награждать! Я за тобой пришёл, скорее, сейчас наша очередь!

Я, ничего не понимая, позволил ему тащить себя к костру. Мы остановились так резко, что я чуть не потерял равновесие и не упал. К счастью, он вовремя меня подхватил, избавив от публичного позора.

— Куда ты так торопишься? Пинцзя что, улетит? — я выпрямился и с усмешкой посмотрел на него.

Кунь Хунту улыбнулся, сверкнув белыми зубами.

— Нельзя заставлять Пинцзя ждать.

«Бюрократия», — мысленно фыркнул я.

Кроме стрельбы из лука, днём проходили и другие состязания — скачки, борьба. Победителей награждал лично Пинцзя. Мы с Кунь Хунту стояли в конце очереди, перед нами было ещё человек десять.

— Брат, учитель Янь сказал, что ты дизайнер ювелирных украшений, — мы с Кунь Хунту оба были не из робких и быстро нашли общий язык, перейдя на «ты». — Угадай, сколько стоит этот медовый янтарь у меня на шее?

Медовый янтарь и обычный янтарь — по сути, одно и то же. Проще говоря, смола. Какое-то время назад цены на него взлетели, и на рынке появилось много подделок. В лучшем случае продавали настоящую ископаемую смолу, а недобросовестные торговцы и вовсе выдавали за неё искусственную, которую простому человеку было не отличить.

«Я дизайнер, а не оценщик. Откуда мне знать, что у него за камень?»

Но людям нравится слышать приятное.

Я взял в руки желтовато-коричневый камень размером с гальку, висевший у него на груди, и, сделав вид, что внимательно его изучаю, произнёс:

— Это хорошая вещь. Её ценность не измерить деньгами.

Мои слова попали ему прямо в сердце. Он взволнованно схватил меня за руку, перестав называть «братом» и перейдя на более уважительное:

— Бро, всё-таки вы, городские, разбираетесь в вещах! Я так и знал, что мой камень чего-то стоит!

Очередь сдвинулась на несколько шагов вперёд. Я похлопал его по груди и дал дельный совет:

— Не продавай. Передай по наследству, как семейную реликвию. — Лет через сто станет настоящим антиквариатом.

Он решительно кивнул. Лицо его покраснелось — то ли от волнения, то ли от жара костра.

За разговорами быстро подошла наша очередь. Медали были не из золота или серебра, а из резного дерева, нанизанные на нить из молочно-белых бусин бодхи — очень самобытно.

Награждая каждого участника, Мо Чуань с доброй улыбкой говорил что-то вроде: «Ты молодец, Владыка Гор гордится тобой».

— Это семена бодхи с того самого кипариса из храма. Говорят, они отгоняют беды. Тоже можно как семейную реликвию передать, бро, — с искренностью сказал Кунь Хунту.

Я криво усмехнулся и решил подшутить над ним:

— Не получится. Я сделал вазэктомия.

Кунь Хунту на мгновение замер с растерянным видом и уже открыл рот, чтобы что-то спросить, но тут подошла его очередь.

Он поспешно обернулся и, подойдя к Мо Чуаню, сложил руки на груди и почтительно склонил голову.

— Пинцзя, — произнёс он на языке Цэнлу.

Мо Чуань надел на него медаль и, улыбаясь, похлопал по плечу.

— Ты молодец.

Кунь Хунту был невысокого роста, чуть больше ста семидесяти сантиметров, и, чтобы посмотреть на Мо Чуаня, ему приходилось слегка поднимать голову.

— Я всегда буду верным последователем Пинцзя и Владыки Гор, — его голос звучал твёрдо и уверенно, словно это были не заученные слова, а искреннее убеждение.

Получив награду, Кунь Хунту радостно отошёл, и я занял его место перед Мо Чуанем.

В отблесках пламени даже его ледяная красота обрела толику тепла. Взяв у Не Пэна последнюю медаль, Мо Чуань молча надел её на меня. От него пахло сандалом.

— Спас...

— Здесь тебе не место для любовных утех, Бай Инь.

Я хотел было поблагодарить его, но Мо Чуань наклонился к моему уху и произнёс отчётливо и ясно, так, чтобы слышали только мы вдвоём.

Я застыл на месте. Мне потребовалось лишь мгновение, чтобы понять скрытый смысл его слов.

Он говорил: «Сдохни, гомик, не оскверняй эту чистую землю».

Грудь тяжело вздымалась. Я вдыхал ледяной воздух, а выдыхал обжигающую ярость.

Мо Чуань отступил, сложив руки. Его слова были грубыми, но держался он по-прежнему с царственным достоинством.

Пляшущие языки пламени отбрасывали на его лицо и тело причудливые тени. Странная штука — человеческое восприятие. Ещё минуту назад мне казалось, что огонь согревает его, а теперь я желал, чтобы он сам вспыхнул и обратился в пепел вместе с этим прогнившим пламенем.

Я с ненавистью посмотрел на него и, развернувшись, пошёл прочь.

Медаль на груди неприятно качалась. Я схватил её, собираясь сорвать и швырнуть в костёр, но в последний момент стало жаль. Я лишь крепче сжал её в руке, так, что заболели костяшки пальцев.

«Обидел меня этот двуличный святоша, а медаль-то при чём? Я её честно заслужил».

Остаться там я больше не мог. Попрощавшись с Янь Чувэнем и остальными, я в одиночестве вернулся в институт.

Следующие несколько дней я не видел Мо Чуаня и почти не выходил из комнаты. Дело было не в его странном предупреждении. Просто Хуанфу Жоу торопила с заказом, и я с головой ушёл в работу, потеряв счёт времени.

Когда я наконец закончил, то, хоть и не был до конца доволен результатом, понял, что это мой предел. Мне отчаянно хотелось свежего воздуха, и я спросил у Янь Чувэня, есть ли поблизости какие-нибудь достопримечательности.

— Есть озеро Бацзы. Говорят, в нём отражаются снежные вершины. Место довольно известное в интернете, но далековато — километров пятьдесят-шестьдесят от Пэнгэ, — ответил Янь Чувэнь.

Времени у меня было предостаточно. Пятьдесят километров — не пятьсот.

Взяв у Янь Чувэня ключи от машины, я в одиночестве отправился в путь.

Озеро Бацзы, несмотря на название, было не морем, а огромным внутренним озером. В тёплое время года Цэнлу приводили сюда на пастбища своих коров и лошадей, здесь же гнездились и выводили птенцов водоплавающие птицы. Но сейчас, в холода, озеро выглядело пустынным.

Я припарковал машину на обочине и, засунув руки в карманы куртки, медленно побрёл вдоль берега.

Ветер здесь, на открытом пространстве, был особенно сильным, и Бацзы напоминало настоящее море — волны одна за другой набегали на берег.

Вдалеке я увидел небольшой причал, вокруг которого собралась толпа. Среди людей, одетых в чёрное, выделялась одна белая фигура.

Я замедлил шаг, но не остановился, а через мгновение пошёл ещё быстрее.

«От Пэнгэ не так уж и далеко, но и не близко. Что за злой рок, что я и здесь натыкаюсь на Мо

Чуаня?»

<http://bllate.org/book/13443/1197033>